

Часть первая

1

Захрустел раздавливаемый уголь, раздалось пыхтение, топот ног по крыше сарая, косо поднимающейся к самому окну, скрип отворяемой рамы, и там, в другой комнате, он неуклюже прыгнул на пол.

— Что? — Проснувшаяся Анна, посвечивая белым плечом, приподнялась в постели.

— Спи. Квартирант явился...

Эд встал, натянул брюки, вышел в коридор и заглянул в другую комнату. Дверей в нее не существовало. Лысый, чернобородый Революционер в потертом черном пиджаке вынимал из карманов слои бумаг.

— Добрый вечер.

— Ночь.

Эд чувствовал себя хозяином квартиры. Директорский сын Борька оставил ему квартиру до самого августа. Революционера Эд получил довеском к квартире. Как мясники имеют право дать тебе к мясу кость (впрочем, не слишком большую), так Борька всучил Эду Революционера. «Иногда Володя будет приходить спать», — сказал Борька. Эд предпочел бы, чтобы он не приходил. Не потому, что Революционер плох, а потому, что получается, что Эд опять живет с кем-то. Он в первый раз в жизни получил во владение целую квартиру. Пусть и крошечную, с мышами, и тараканами, и облезлым холодным туалетом (расколотая ваза его покрыта несмываемыми гангренозными пятнами),

но квартиру! В цокольном этаже школы в Уланском переулке, вход со двора. Борькин отец некогда был директором этой школы, когда же он умер, учебные власти постеснялись выгнать Борьку Кушера, его мать и сестру. Так они и остались жить в школе. Сейчас сестра вышла замуж, получила большую квартиру, и борькина-кушеровская мать переселилась к сестре. Борька один живет в Уланском и дружит с богемой. Богема ходит к нему пьяная, кричит, спорит, и начальство школы желает выжить Борьку. Однако это не просто сделать — выгнать сына покойного заслуженного директора из квартиры.

— Еле свалил от пидаров... Ебаное гэбэ... Два часа их по городу морочил.

Выложив на тахту бумаги, Революционер снимает пиджак.

— Садись.

Он провозит по полу один из стульев.

— Тише. Анна спит.

— Извини. Забыл... — Революционер вынимает из брючного кармана мешочек с табаком и, оторвав от лежащей на столе газеты «Известия» полосу, скручивает сигарку. Закуривает. Табак вонючий — так называемая махорка.

— Самиздат? — Эд кивает в сторону принесенных Володькой бумаг.

— Угу... Начало «Ракового корпуса» Солженицына и «Мои показания» Марченко.

— Не боишься таскать с собой?

— Боишься не боишься, надо... Слушай, Эд... — Лицо Революционера проясняется, он вскидывает ногу на ногу. Эд видит перед собой близко расшлепанный, нечищенный ботинок Революционера. — Хочешь внести свой вклад в общее дело? Перепечатай хотя бы пару глав Марченко, а?

— Не могу. Скорость у меня небольшая, и мне свои вещи печатать нужно. Новый сборник.

— Ты не понимаешь, как важно распространить Марченко. Чтобы люди знали, что происходит...

— Понимаю. Но для меня мои стихи важнее.

— Да ты хоть читал Марченко, Эд? — Революционер выдыхает вонючее облако дыма. Закрыв глаза, по запаху можно сказать, что это казарма, вокзал или тюрьма, а не Борькина квартира. Революционер отсидел свои шесть лет и вынес из мест заключения неуничтожимые привычки. Курит махорку, ругается как блатной, а между тем по происхождению он — интеллигентный человек. Отец его был историк, эсер и в прошлом даже террорист. Володька потомственный революционер. В первый раз его арестовали в 1948 году за призыв убивать председателей колхозов. Коллективизация Володьке не импонировала. Революционеру было тогда восемнадцать лет. Разве нормальный человек будет призывать убивать председателей колхозов? Вряд ли...

— Нет, не читал. А кто он такой?

— Ой, бля, молодые люди... Ничто-то вас не интересует. — Положив сигарку в раковину-пепельницу, Революционер встает и, найдя среди хаоса бумаг на продавленной Борькиной тахте нужную ему пачку, протягивает поэту. — На, читай. Это окончание. Начало должно быть где-то у Борьки. В ящиках стола, наверное. Читай сейчас, потому что завтра я должен все это отнести одной нашей девочке-машинистке. Потому Софья Васильевна так и сильна, что все вы не хотите палец о палец ударить, чтобы ее свалить...

Эд думает, что бородатый слишком много на себя берет. Советскую власть — Софью Васильевну — он собирается сваливать. Лучше бы туфли почистил, неряха... Однако он не возражает Революционеру. Володьке под сорок, он побывал в лагерях и тюрьмах, и Эд, хотя и имеющий

не совсем обычное для молодого человека его возраста криминальное прошлое, все же щенок по сравнению с заматерелым, воняющим махоркой и улицами Москвы Володькой-революционером. Он берет папиросной бумаги — тусклые буквы едва видны — листки и вглядывается в них.

— Десятая копия? — спрашивает он вдвинувшегося в стол Революционера насмешливо.

— Думаю, шестая. Слушай, ты читай, но с расспросами ко мне не лезь. Я обещал Якиру статью к утру...

Якиру он обещал. Сын красного командарма Петр Якир — Володькин приятель по революционной борьбе. Вместе они, по рассказам Володьки, постоянно наебывают ГБ, ловко скрываются в лабиринтах московских проходных дворов, прячутся, уходят от слежки, оставляя глупых кагэбэшников с носом. В описаниях Володьки гэбэшники, они же чекисты, выглядят такими же глупыми и злыми, как немцы в советских послевоенных фильмах, — растяпы, недотепы... Володька же, Якир (фигурирующий в историях Революционера под именем Петька) и их друзья предстают перед слушателем красочных Володькиных приключений подобными Робин Гуду и его лесным братьям — сильными, смелыми, умными. Эду приходилось сталкиваться с парой чекистов в его жизни. Сказать, что они были особенно глупы, он не может. Слушая же Революционера, можно подумать, что в КГБ сдают экзамены по глупости. Мало верится.

Эд отодвигает бумаги с края тахты и усаживается в продавленную поколениями Кушеров яму.

К шести утра, не дочитав десятка страниц, в состоянии полного ужаса он уходит в постель к теплой Анне.

— А? — вздрагивает Анна.

— Спи... — Обхватив большой зад подруги, Эд размышляет. Неужели так все и есть, как этот Марченко пишет? И неужели человек может отрезать себе член и бросить его из окна

к ногам идущей на работу тюремной докторши-суки? Представив себе отрезанный член, Эд дергается, ему становится холодно, и он плотнее прижимается к Анне. А суп из крови? Неужели так вот один зэк может открыть себе вены, а другой — подставить тарелку, крошить в кровь хлеба и жрать кровь с хлебом? Ооооо! Он чувствует во рту вкус кровавого супа с хлебом, и тошнота внезапно подступает к горлу. Блядь, мать-перемать Володьку и этого его Марченко! Он вскакивает и выходит в коридор голым. В Москве май, но в Борькиной цокольной квартирке холодно. А в туалете и еще холоднее. Сорвав с гвоздя тряпку для мытья полов, Эд бросает ее на пол перед гангренозным унитазом и опускается на колени. Засовывает два пальца в рот. Боже, как противно! Пальцами он дотягивается до малого язычка в глубине горла, испытанный прием, и трет его. Конвульсии волною сокращают пищевод. Несколько кружков колбасы и макароны, разумеется уже полупереваренные, изрыгаются в вазу унитаза и смешиваются с вонючей водой. Вкус теплой крови соседа по камере еще и еще заставляет сокращаться пищевод поэта. Прodelав операцию несколько раз, он встает и направляется в кухню. Умыться можно только там. У Борьки в квартире нет ни душа, ни ванной. И горячей воды нет...

Проходя мимо Революционеровой комнаты, он видит, что тот лежит на спине, покрытый старым одеялом. Одеяло короткое, и потому ступни в грубо вязанных носках торчат неприкрытые. Борода покоится на одеяле. Со стороны можно подумать, что это труп Революционера, а не живой Революционер. Только тихий храп свидетельствует, что Революционер живой...

«Сука, — думает Эд неприязненно. — Дал мне эти ужасы читать. На хуй мне ужасы. Я и из семьи свалил, и из Харькова уехал, чтобы жить подальше от простых людей и от их ужасов».

— Анна? — шепчет он, улегшись в постель.

— Что? — Анна, оказывается, не спит, она слышала, должно быть, как его рвало.

— Как ты думаешь, может человек отрезать себе член и вышвырнуть его в окно, под ноги обидчице-докторше?

— Что ты несешь, Эд? Спи! — Голос у Анны злой. Она всегда зла, когда ее разбудишь.

— А думаешь, правда человек может крошить в кровь приятеля хлеб и жрать этот супчик ложкой?

— Черный юмор, да?.. Ты что, трагедию в стиле Хармса всю ночь сочинял?

— Нет... Володька дал Марченко почитать...

Анна глубоко вздыхает и встает. Большое тело смутно белеет в сумеречности комнаты. В щель между шторой и окном вонзились осколки нового дня. Анна натягивает через голову платье и выходит из комнаты. Пошла в туалет.

Натянув на голову одеяло, Эд некоторое время лежит, пытаясь заснуть. В мутном бульоне сна кипят куски тюремного хлеба, съеденные днем куски докторской колбасы, макароны, Володькина черно-седая борода, отрезанные члены и множество истертых на сгибах листов папиросной бумаги — Марченко, Солженицын, Солженицын, Марченко... Мутный бульон краснеет, становится тяжелой цементной жижей, которую размешивает ржавая металлическая лопасть. Лопасть размешивает кровавый цемент внутри гангренозного Борькиного унитаза. Кровавая жижа застывает на глазах и, наконец, останавливается, превратившись в камень, замерзший навечно в последнем витке вулканического кипения. (Такие застывшие последние всплески вулкана Эд увидит позднее в геологическом заповеднике — в коктебельских горах.) Входит Анна, снимает платье, вздыхает и ложится. Тянет на себя одеяло. «У-уууууммм!» — мычит поэт, сопротивляясь. И засыпает.

Эд Савенко высадили в Москве на Курском вокзале 30 сентября 1967 года в возрасте двадцати четырех лет. Вместе с ним из поезда был извлечен и поставлен на перрон большой черный чемодан. В чемодане находилось все, что могло понадобиться покорителю Москвы в процессе ее покорения. Чемодан был на пару лет младше поэта. Деревянный, оклеенный кожзаменителем, с фальшивыми полосами ремней через все тело, польский чемодан этот принадлежал родителям Эда и был предоставлен ему в порыве душевного великодушия за ночь до отъезда.

Юноша, прибывший покорять Москву, был одет по самой последней харьковской моде того времени. Фигуру его скрывало массивное черное пальто с воротником из меха молоденького каракулевого барашка, на голове героя красовалась грузинского стиля черная кепка-«аэродром», на ногах были американские армейские сапоги. На сапоги спускались черные брюки с широченными штанинами, брюки уходили вверх под черный жилет, а жилет был покрыт пиджаком той же ткани. Белая рубашка стягивала воедино костюм нашего героя. Рубашка была застегнута на пуговицу, плотно зажимая горло. Галстука на героя не было, ибо галстук противоречил харьковской моде того времени.

С Курского вокзала, где его никто не встречал, поэт отправился, минуя помпезные станции Московского метрополитена, в центр столицы. Достигнув станции «Кировская», поднялся вверх на свет божий и, волоча за собой изрядно вымотавший его силы чемодан, бьющий его по бедру при каждом шаге, прибыл на Главный почтамт. Здесь, после двадцати минут ожидания под колоннами у входа, он наконец увидел направляющуюся к нему подругу свою Анну и друзей — Бахчаняна и Ирину. Анна была направлена им

в Москву на две недели ранее. Имевшая в семье из двух репутацию практичной и живой силы, Анна должна была арендовать плацдарм: комнату, откуда должно было начаться покорение Москвы. Оружием, с помощью которого поэт собирался подчинить себе столицу, должны были служить две ученические тетради со стихами. (Обложки их поэт оклеил синим вельветом. Куски вельвета остались у него после пошива брюк. Заказчик-кинокритик привез вельвет из Польши). Тетради покоились в чемодане.

— Эд! — Сияющая и стреляющая смелыми глазами Анна легко несла крупное тело, водруженное на острые каблуки. Опять дремучебородый Бахчанян и маленькая блондинка Ирина, всегда чуть высокомерная, — тройка друзей Эда выглядела экстравагантно даже на фоне жителей советской столицы. Пожалуй, не менее отличительно, чем они выглядели в родном Харькове. Казалось, однако, что более занятые собой, чем харьковчане, спешащие москвичи не очень-то обращали внимание на персонажей его личной истории.

— Эд, добро пожаловать в Москву! — не смогла удержаться от театральности Анна.

Поэт, желавший выглядеть холодным, ничему не удивляющимся столичным жителем среди столичных жителей, а не провинциалом, прибывшим в столицу, ответил Анне на приветствие грубым вопросом:

— Комнату нашла?

— Почти, Эд... Очень трудно, хозяева боятся. Пока ничего, но сегодня я встречаюсь в шесть часов вечера с одной женщиной, она...

— Что же ты, жопа... Ведь именно для этого ты была послана сюда на две недели раньше...

— Ну Эд... Это оказалось так трудно. Попробовал бы ты сам...

— Не начинайте со скандала, ребята! — вмешался Бахчанян.

Со стороны сцена выглядела более или менее обычно: встреча друзей у Главпочтамта, мало ли встреч случается у Главпочтамта каждый день! Но если отнестись к сцене более внимательно, то придется зачислить ее в разряд столь же знаменательных событий, как вступление д'Артаньяна в Париж или момент, когда после похорон папаши Горио Растиньяк бросает с кладбища Пер-Лашез вызов городу. Честолюбец и столица. (Даже сейчас автор этих строк чувствует некоторое дрожание в груди и нижней части живота при воспоминании о том замечательном моменте, отстоящем от сегодня уже на двадцать лет.) Кто кого — столица сомнет храбреца и откусит ему голову или храбрец наденет узду на дикого зверя и обратит его в зверя домашнего?

В тот свежий полдень они четверо столпились вокруг чемодана, как верующие у символа культа, и решили поскорее избавиться от этого громоздкого объекта, дабы и предаться удовольствиям первого дня столичной жизни, и заняться с необходимым рвением поисками крыши над головой. Чемодан решено было отбуксировать в находившийся сравнительно недалеко Казарменный переулок, где снимали комнату в деревянном доме Бахчанян и Ирина. Именно тогда впервые прошел по Уланскому переулку, с которым будут связаны в дальнейшем многие события его жизни. Уланский переулок — самая короткая артерия, связывающая Главпочтамт с Садовым кольцом. Как раз против Уланского, на другой стороне Садового кольца, начинается улица Маши Порываевой, пройдя по которой несколько десятков шагов возможно свернуть налево в Казарменный именно переулок, к жилищу Бахчанянов. Прodeв под ручку чемодана толстую ветвь, мужчины взяли за ее концы. Тяжело покачиваясь, чемодан поплыл навстречу своей судьбе, которая

в последующие двадцать лет оказалась куда более интересной, чем в первые двадцать лет его существования. Немало попутешествовав по Москве, чемодан впоследствии посетил Вену, Рим и даже перелетел через океан в Нью-Йорк, где он посейчас и находится на заслуженной пенсии в темноте антресоли почтенного дома в Ист-Вилледже.

3

Чемодану нашлось место в небольшой комнатке в Казарменном. Но его владельцу, увы, места не нашлось. Именно тогда первая легкая тень омрачила отношения двух пар.

— Если мне не удастся договориться с дамой, с которой я встречаюсь в шесть, может быть, Эд сможет у вас переночевать? — спросила Анна, оглядев приветливую комнатку и уже налаженный аккуратной Ириной быт Бахчанянов. — Одну только ночь. Мне есть где переспать. Я всегда могу поехать к Воробьевской.

Поэт недовольно ткнул локтем подругу.

— Анна-аааа! — прошипел он.

— Что — Анна? Очень даже удобно спросить... Ведь Ирка и Бах даже свою брачную ночь провели у нас на полу на Тевелева.

— Ты понимаешь, Анна... — начала Ирина тоном, который не предвещал ничего хорошего. Она была младше всех в компании, но деловитее и собраннее всех. Эд и Анна хорошо знали все ее различные интонации. Интонация, с которой она произнесла «Ты понимаешь, Анна...», выражала смущение и смутившееся раздумье, быстрые поиски причины, которой Ирина могла бы прикрыть свое естественное нежелание иметь в эту ночь спящего поэта на полу их комнаты.

— Понимаешь, Анна, хозяйка будет против... Она предупреждала нас, чтобы мы не оставляли друзей ночевать...

Все неловко молчали.

— А так как мы тут находимся на птичьих правах и к тому же без прописки, — маленькая серьезная Ирка смело поглядела на товарищей, голос ее окреп, очевидно, она сама поверила в свою ложь, — то было бы очень нежелательно раздражать Людмилу.

— Жаль. — Анна презрительно ограничилась этой короткой констатацией факта.

Эд хотя и обиделся и не понял, почему нельзя провести одну ночь на полу комнаты в Казарменном, однако решил тотчас забыть об этом моментальном неловком эпизоде, дабы не создавать дополнительные сложности в отношениях между собой и другой стороной — Бахчанянами. Бах был его ближайшим другом, Бах не был плохим человеком, а то, что он вынужден был иногда уступать маленькой жене и принимать ее условия — ну что ж...

Оставив черный чемодан во временном убежище Бахчанянов, все четверо покинули Казарменный и отправились в забегаловку под названием «Вино», находившуюся на Садовом кольце, где каждый выдоил из винного автомата по стакану портвейна. Сжимая граненые стаканы в руках, они чокнулись и выпили: «За успех! За то, что мы покорим этот ебанный город!» — и согласно впились в шоколадную конфету, выданную каждому вместе с жетоном к портвейному автомату краснолицей дамой в белом халате. Они выпили бы еще по стакану, но на седую и невыносимо ярко-глазую Анну начал обращать все больше внимания пьяный лейтенант с петлицами танкиста, посему наши герои покинули помещение «Вино». Оставив позади кислый запах алкоголя и грохнувшегося в этот момент на плиточный пол оскользнувшегося на конфете лейтенанта, которого бросились

поднимать другие лейтенанты. «Ведьма! Колдунья!» — кричал упавший, имея в виду подругу Эда Анну Моисеевну Рубинштейн. Но наши герои ушли, не оглядываясь.

Промежуток времени между отбытием из заведения «Вино» и прибытием на Третью Мещанскую улицу, где неофициально собирались в группы и рассасывались на единицы владельцы жилплощади и личности, желающие снять жилплощадь, поэт пробродил по столице, в которой ему предстояло прожить ровно семь лет.

Вчетвером, а когда Бахчаняны удалились, вдвоем с Анной они прежде всего взрезали народные толпы на площади Маяковского (туда, на священную площадь смогизма, потребовал сводить его поэт), проплыли с толпой по улице Горького до Пушкинской площади. Там живой поэт поглядел на памятник мертвому поэту и вдохнул запах сжигаемых в сквере осенних листьев. Он постоял, подумал, помолчал на фоне воплолгоса произносящей нескончаемый монолог Анны (в этот момент она всячески обговаривала недружественное поведение только что ушедших Бахчанянов) и решил, что столь несомненно присутствующий сегодня где-то рядом с ним, касающийся невидимыми крылами его головы черный ангел судьбы (он выбрал черного ангела) устроит так, что они найдут себе жилплощадь. И проведут эту ночь вместе. Нервный и бледный молодой поэт хотя и относился к своей женщине с некоторым высокомерным превосходством (впрочем, доброжелательно прощая ей излишнюю суетливость и старомодные монологи), однако нуждался в пышной плоти подруги. Тело Анны успокаивало его, в ее теле была надежность и плотность, так необходимая хрупкому эфемерному существу, в которое Савенко сумел превратить себя всего лишь за три года. (До этого поэт не был поэтом, но был рабочим парнем — членом комплексной бригады сталелитейного цеха харьковского завода «Серп и Молот».)

Поговорив с Пушкиным, пара направилась на Третью Мещанскую улицу. Самый дальний и надежный карман жилета поэта содержал, забулавленный, драгоценные 150 рублей, на которые пара намеревалась жить как можно дольше. До тех пор, пока не отыщется клиентура для Эда по пошиву брюк и какое-нибудь, как обычно анекдотическое, занятие для Анны. (Забегая вперед, отметим, что еще несколько месяцев у пары не появлялось никаких денег.)

Они прибыли на Третью Мещанскую с опозданием, уже в сумерках, и смешались с негустой толпой, состоящей из следующих элементов. Небольшого числа московских квартирных хозяек. Грузин (в эту категорию входили и настоящие грузины, и представители иных кавказских и азиатских народностей), согласно именующих себя аспирантами, хотя всему миру известно, что грузины приезжают продавать свои фрукты на столичных базарах и трахаться с русскими девушками. Провинциальных инженеров и служащих, желающих проторчать в Москве подольше и, может быть, попытать счастья в фиктивном браке с москвичкой. Студентов и студенток из провинции, которым средства родителей позволяли побрезговать общежитием. Молодоженов-москвичей, желающих за 25–40 рублей в месяц получить удовольствие более или менее безоглядного наслаждения сексом без того, чтобы старшее поколение слышало их любовные стоны. Провинциальных фарцовщиков, явившихся в Москву на гастроли... И наконец, категорию «прочих», в которую как раз попадают поэт и его подруга...

Группы собирались и распадались. Вопреки основным принципам социалистического общества на Третьей Мещанской имущее меньшинство нагло доминировало над нуждающимся большинством. Оказалось, что у каждого владельца московских квадратных метров были свои фобии и предпочтения, согласно которым он (или она) выбирал жильцов.

Дама с очень напудренным лицом, несмотря на конец сентября одетая уже в черную котиковую шубу — признак зажиточности, искала только девочек-студенток. Злобного вида старуха с хриплым голосом и бородавкой на носу, напротив, не хотела девочек, но желала одинокого мужчину. «Сучки мне не нужны, — охотно объяснила старуха наткнувшейся на нее Анне. — А мужик, он блудит чисто». И, не вдаваясь в дальнейшие подробности, старуха пустилась со своим антифеминистским кредо в плавание по толпе. Иногда на поле появлялся ленивый милиционер, неуверенно шептал: «Расходитесь, расходитесь, граждане...» — и быстро исчезал за ближайшим углом. Очевидно, инструкция не обязывала его разгонять народ на Третьей Мещанской. Впоследствии, за семь лет посетив квартирный «толчок» (от глагола «толкаться», как нельзя лучше изображающего природу отношений толпы на Третьей Мещанской) многие десятки раз, поэт убедился, что милиции было приказано не трогать черный рынок квартир, ибо черный рынок являлся единственной возможностью обрести крышу над головой сразу и немедленно. Не исключена возможность, что даже мелкие официальные лица, переведенные в столицу из провинции, пользовались Третьей Мещанской...

Пробродив в толпе около часа, поэт совершенно пал духом и только молча становился позади своей крупной подруги, когда она выспрашивала очередную старуху или разбойного вида мужика о природе предлагаемой жилплощади. Смеркалось, с незнакомого поэту неба несло недомашним северным холодом и неуютностью, и такие же неуютные мысли блуждали в голове его. Основной оплот человека в новой местности — пещера, предохраняющая от ветра, дождя и холода, казалась недостижимым раем. «Жанна!» — с истеричной поспешностью метнулась Анна Моисеевна к привидению в белой высокой шапке из искусственного

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru